

Н.Ю.Кудеярова

Межконтинентальные миграции в колониальный период

Иберо-американский контекст

В статье рассмотрена специфика миграций в колониальный период, обозначена их особенность как целенаправленной переселенческой политики метрополии. Показано воздействие социально-экономических и демографических факторов на интенсивность миграционных потоков, дана оценка их численности и национального состава. Три столетия колонизационной миграции привели к образованию нового этнокультурного состава населения Латинской Америки. Особенности заселения земель Западного полушария в колониальный период наглядно продемонстрировали трансграничные свойства миграционных процессов, их трансформирующую силу и межконтинентальный характер.

Ключевые слова: Испания, Португалия, Латинская Америка, миграция, колонизация, работорговля.

История латиноамериканских стран тесно взаимосвязана с миграционным движением людей. На протяжении пяти веков важную моделирующую роль в прорисовке контуров трансатлантической мобильности играли политические факторы¹. В связи с этим обращение к историческому пласту проблемы позволит воссоздать важный элемент общей миграционной мозаики континента. В отечественной исследовательской традиции в отношении колониального периода Латинской Америки уже сложились устойчивые темы и оценки, но парадоксальным образом движение людей в качестве самостоятельного фактора развития специально не затрагивалось. Предлагаемый в статье анализ миграционного движения позволит впервые представить обобщенную палитру межконтинентальной мобильности колониального периода.

Надежда Юрьевна Кудеярова — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (n.kudeyarova@yandex.ru).

ИСПАНСКИЙ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ПОТОК

Каким был поток людей, устремившихся в Новый Свет? Что можно сказать об исходных условиях переселенческой мобильности из иберийских стран? Детально рассуждать о демографических предпосылках затруднительно из-за отсутствия точных данных о динамике численности жителей Иберийского полуострова того периода. К историческому рубежу 1492 г. — даты открытия Америки и завершения Реконкисты — совокупное число проживавших в «испанской» части Иберийского полуострова оценивалось в 5,5 млн человек, наиболее населенными были Кастильская и Арагонская короны с 4,2 млн и 850 тыс. человек соответственно².

В теории миграции есть тезис, что в большинстве случаев внешние миграции становятся продолжением внутренних. В Испании второй половины XV в. происходило постепенное расширение охвата социальных слоев, имевших возможность передвижения по стране. Принятая в 1486 г. «Гваделупская сентенция» дала крестьянам право покидать участки, на которых они проживали*. Как подчеркнул испанский историк Рафаэль Альтамира-и-Кревеа, «крестьяне тем самым объявлялись свободными навечно»³. Как любой шаг, снимающий непосредственную привязанность человека к земле, сентенция со временем привела к значительному упрощению территориальной мобильности сельского населения, увеличению числа жителей средневековых городов. Впоследствии именно города стали основным источником трансатлантического миграционного потока.

Общему движению населения с севера на юг полуострова способствовала Реконкиста. Облаченная в форму фронтирной войны, Реконкиста была сопряжена с миграцией людей в поисках нового дома и незанятых пастбищ. Как отмечал английский историк Джон Эллиотт, «это был процесс контролируемого заселения и колонизации, он основывался на образовании городов, которым были гарантированы широкие территориальные полномочия в соответствии с королевскими хартиями»⁴.

К концу XV в. внутренняя экспансия приблизилась к своему естественному пределу и, достигнув границ полуострова, выплеснулась на заморские территории Средиземноморья и Атлантики. Открытие Нового Света продолжило общую траекторию расширения испанской империи. Севилья стала морским торгово-экономическим центром южной части Испании. Ее роль и значение были усилены монополией на торговлю с Индиями, что давало возможность осуществлять централизованный контроль за экспедициями в Новый Свет.

В отношении численности людей, отправившихся через Атлантический океан в поиске удачи и славы, точные данные предоставить весьма проблематично, тем не менее широкий круг исследователей пытался решить эту задачу. Важным источником стали сведения, накопленные Торговой палатой (Casa de Contratación, 1503 г.) и Королевским советом по делам Индий (Consejo de Indias, 1511 г.), основанными в Севилье. Учрежденные институты вели учет не только торговых операций, но и отвечали за кон-

* «Гваделупская сентенция» (1486 г.) — арбитражное решение короля Фердинанда, согласно которому был отменен денежный выкуп за «дурные обычаи» («malos usos») — обобщенное название ряда феодальных повинностей крестьянства в Испании в XIII—XV вв., включавших выкуп при переходе к другому сеньору и другие обременения.

троль трансатлантического передвижения людей. Получаемые данные вносились в «Списки пассажиров в Индии» («Catálogo de Pasajeros Indias»). Публикация этих «Списков» из сохранившегося «Архива Индий» («Archivo de Indias») дала возможность оценить масштабы межконтинентальной мобильности. Каждый отбывающий должен был получить официальное разрешение и зарегистрироваться в специальной книге, указав имя, родство, место рождения, семейное положение, название корабля и порт назначения. Обязательная регистрация переселенцев в колонии давала возможность контролировать процесс передвижения; подобные действия «являли собой пример политики метрополии в отношении эмиграции и поселения, регулируемых законодательно»⁵.

До нашего времени дошел неполный состав «Списков», и в ходе их анализа обозначился некоторый разброс оценок. Так, известный американский историк и лингвист Питер Бойд-Боумен выделил в общей сложности 45 тыс. *достоверных* испанских переселенцев к 1580 г.⁶ (хотя, по его мнению, реальное значение многократно превосходило это число). Шведский историк Магнус Мёрнер на основе данных о количестве рейсов, возможной загрузке кораблей и статистике «Списков пассажиров» оценил объем миграции в период с 1500 по 1650 г. в 450 тыс. испанцев (или 2,6 тыс. человек в год в течение XVI в., а в первой половине следующего столетия 3,6 тыс. человек в год)⁷. Российский исследователь Андрей Федорович Кофман отмечал, что «по наиболее взвешенным оценкам историков, к началу XVII в. в Америку эмигрировали около двухсот тысяч человек»⁸. Реальное же число достигших и обосновавшихся на берегах Нового Света остается в тени: тяжесть морского пути, трудности физической адаптации в первые месяцы после прибытия в Америку вели к значительным людским потерям. «В первые два-три месяца происходил естественный отбор, когда умирал каждый пятый, а то и каждый третий из вновь прибывших. Зато выжившие становились, как кремень», — подчеркивал отечественный ученый⁹. Гибель испанцев в военных походах и в междоусобных конфликтах была причиной существенного отличия числа зарегистрированных при отплытии, от числа тех, кто выжил на американском континенте.

Сам факт открытия «Индий» не сразу сделал их вожаемой мечтой для желающих быстрого обогащения и обретения «большой стоимости» («*ir a valer más*» — испанский императив повышения оценки в глазах окружающих). Трансатлантическая миграция напрямую зависела от динамики географических открытий и постулируемых метрополией целей.

В антильский период (1493—1519) перспективы Нового Света еще не были ясны. Начальный энтузиазм постепенно спадал. По мнению английского историка Генри Кеймена, в начале «никто особенно не спешил отправиться на новые земли, так как путь туда был долог и труден, а уверенности в том, что условия жизни в Новом Свете так уж хороши, не было никакой»¹⁰. Возможности колониального развития о. Эспаньола (современный о. Гаити) были быстро исчерпаны. Со временем колониальная экспансия распространилась на другие острова Карибского бассейна — Пуэрто-Рико, Ямайку и Кубу, ведя за собой порабощение и уничтожение индейского населения. За четверть века мигрировали около 5,5 тыс. (*достоверно установленных*) человек, в среднем около 220 человек год¹¹.

Со стартом континентальной конкисты началось расширение географических направлений миграции. В 1520—1530 гг. более 50% конкистадоров и пе-

реселенцев привлекала Мексика, а с завоеванием Перу и организацией экспедиций в другие части Америки значительная часть потока устремилась в новые районы. К середине XVI в. Мексика стала центром постоянного притяжения около трети общего миграционного потока из метрополии. Как отмечал П.Бойд-Боумен, в 1540—1579 гг. и позднее наблюдалось заметное сокращение пропорций эмиграции в Санто-Доминго, Центральную Америку и Ла-Плату, и выделялись регионы стабильного притяжения — Мексика, Перу, Чили и Новая Гранада (совр. Колумбия, Венесуэла, Эквадор)¹².

На протяжении 40 лет континентальной конкисты трансатлантическая мобильность развивалась по возрастающей траектории. Мужчинам, отъезжающим за океан, было от 18 до 25 лет. Основными источниками миграции были четыре региона Испании: Андалусия (34,9%), Старая Кастилия (преимущественно совр. Кастилия и Леон) (17,0%), Эстремадура (15,8%) и Новая Кастилия (современные Кастилия-Ла-Манча и Мадрид) (12,1%)¹³.

Начиная со второй половины XVI в. характер эмиграции в Новый Свет стал претерпевать значительные изменения. Переход от стратегии завоевания к освоению территорий был обозначен в королевском декрете 1556 г. В нем говорилось, что «по веским причинам и обоснованиям из всех капитуляций следует исключить само слово «конкиста» и вместо оно использовать слова «умиротворение» и «заселение»¹⁴. Так, по прошествии 65 лет с момента первого взаимодействия европейского и индейского миров, было зафиксировано смещение приоритета испанской политики с завоевания на заселение и освоение территорий.

Дух первопроходцев уступал стремлению обезопасить приобретенное и поиску экономической выгоды. Среди эмигрантов второй половины века становится все меньше военных авантюристов и все больше правительственных чиновников, духовенства, торговцев и ремесленников, стремящихся заработать на жизнь в богатых колониях.

В последней четверти XVI в. административная миграция относилась к наиболее регулярной и упорядоченной форме трансатлантической мобильности. Показательно, что среди управленческих центров колоний установилась своя иерархия, где самыми престижными считались аудиенсии в Мехико (Новая Испания) и Лиме (Перу). В испанской колониальной политике существовала практика назначений на важные должности в Новом Свете людей, уже имевших опыт работы в этой же самой администрации. Подобный метод назначений значительно повышал статус и важность административной миграции¹⁵.

Наиболее массовая группа мигрантов того периода относилась к обобщенной категории «слуг», в которой могли быть представлены люди самых разных профессий. По мнению голландского историка Ауке Якобса, самой многочисленной свитой обладали чиновники и незначительная часть религиозных сановников высокого ранга. Священнослужители, отправлявшиеся в Индии за счет Королевского казначейства, могли взять с собой только одного слугу на пятерых. Эмигранты, ехавшие за свой счет, могли брать одного или двух слуг. Исключение делалось для благородных идалго, которые имели возможность брать с собой до четырех человек. Примечательно, что богатые «перуанцы» («*perulero*») — торговцы, разбогатевшие в Перу, по возвращении обратно в Индии из метрополии обычно брали до четырех человек, среди которых почти всегда был кассир-счетовод¹⁶.

Беглый взгляд на географию происхождения представителей данной профессиональной категории отмечает свойственное времени заметное преобладание южных районов Иберийского полуострова. Но если к указанной группе относились лишь около половины выходцев из Андалусии, Эстремадуры и Кастилии-Ла-Манчи, то для мужчин из северных районов страны соотношение увеличивалось до 80%, а для уроженцев атлантического побережья, включая и Наварру, это была практически единственная возможность попасть в Индию¹⁷.

Миграционный поток имел гендерные особенности, выражавшиеся в численном доминировании мужчин. На начальном этапе доля женщин была минимальна. В антильский период она составляла лишь 5,6%¹⁸. Основная часть женщин ехала в Санто-Доминго (современный о. Гаити), наиболее освоенную колонию в Новом Свете. Ситуация начала изменяться с введением запрета на миграцию женатых мужчин без жен. Уже в 1540—1559 гг. соотношение выросло до 16,4% и к 1580 г. достигло 28,5%. Однако было бы некорректно напрямую увязывать эту динамику исключительно с семейными узами. Как отмечал П.Бойд-Боумен, лишь 40% женщин, оказавшихся в тот период по другую сторону океана, были замужем или вдовами, оставшиеся 60% были незамужнем¹⁹. Значительная часть женщин относилась к категории прислуги. Основными регионами, откуда ехали в новосветские колонии женщины, также были Андалусия (55,4%), Новая Кастилия (17,4%) и Эстремадура (13,4%).

Женщины, эмигрировавшие в Новый Свет, явно рассчитывали улучшить свое социальное положение. Однако при соприкосновении с реальностью многие иллюзии исчезли. Для тех, кто в действительности намеревался работать в качестве прислуги, вероятность найти работу на длительный срок была небольшая, поскольку труд индейских женщин стоил дешево. Американская исследовательница Асунсьон Лаврин полагала, что за частью женщин, зарегистрированных в качестве «слуг», на деле скрывались ... дамы легкого поведения. На такой вывод наводит письмо из королевской администрации, в котором в 1560-х годах чиновник просил корону, несмотря на отсутствие в колонии белых женщин, прекратить посылать в Перу женщин с полуострова, поскольку их поведение было скандальным и подавало дурной пример²⁰.

Несмотря на развитие колоний и существенную трансформацию факторов, влиявших на миграцию, преобладание мужской составляющей в общем потоке оставалось стабильным. Исследования А.Якобса показали, что в конце XVI — начале XVII вв. доля женщин в легальной испанской миграции сократилась с 33 до 17%²¹. Как только выросло первое поколение родившихся в Америке женщин-креолок или метисок, диапазон возможностей для женщин с полуострова начал сужаться. Мужчины продолжали ездить в Испанскую Америку в одиночестве, в конечном счете женясь на женщинах, родившихся в колониях.

Однако, по мнению А.Лаврин, на протяжении XVI в. женщины-мигранты выполнили чрезвычайно важную задачу: они стали трансляторами испанской домашней и материальной культуры, религиозных и социальных ценностей. Хотя обычная женщина-мигрант не была образована и начитана, она являлась некой моделью повседневной испанской жизни²². Повторение и воспроизведение многих важных аспектов испанского образа

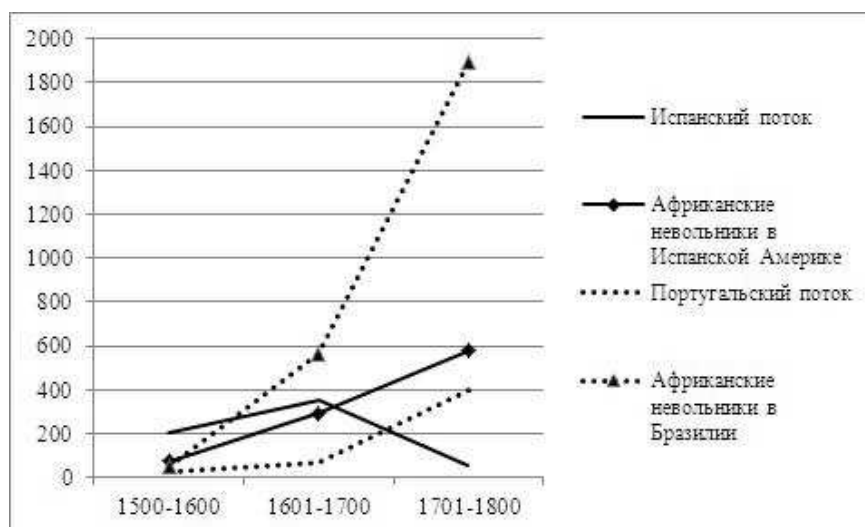
жизни стало возможным благодаря женщинам-мигрантам, которые принесли в Новый Свет обычаи и традиции своей родины.

В первые два века в миграционной системе «метрополия — колонии» преобладало действие выталкивающих факторов, вызванных желанием покинуть Испанию. Но уже в XVII в. заметную роль стали играть факторы притяжения колониальной экономики — спрос на квалифицированный ремесленный труд, возможности спекулятивных сделок, получение административной должности и другие.

Изменению подвергся и состав участников. Если в начале XVI в. основу заокеанской миграции и костяк конкистадоров составляли выходцы с юга Испании (Андалусии, Эстремадуры и Кастилии), то в XVIII в. большую часть переселенцев давали северные регионы — Галисия, Кантабрия, Страна Басков и Каталония. Усилению роли «периферии» страны в миграционных процессах способствовала, по мнению испанского историка Жозепа Дельгадо Рибаса, демографическая трансформация: в отличие от южных регионов с их шатким демографическим балансом на севере наблюдался рост населения²³.

График 1

ДИНАМИКА БАЗОВЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА (в тыс.)

Составлено автором по данным: J.M. Delgado Ribas. La emigración española a América Latina durante la época del Comercio Libre (1765-1820). El ejemplo catalán. — Boletín americanista. Barcelona, 1982, № 32, p. 117; M.L. Marcílio. The population of colonial Brazil / The Cambridge History of Latin America. Vol. 2. Cambridge, 1985, p. 47; Ph.D. Curtin. The Atlantic Slave Trade. A Census. Madison, Milwaukee, London. The University of Wisconsin Press, 1969, p. 268.

Данные по миграции XVIII в. весьма фрагментарны, однако и на имеющемся материале можно было констатировать снижение темпа миграции,

начиная с первых десятилетий столетия (см. график 1). При этом остается неизвестным масштаб нелегальной миграции, который существенно вырос во второй половине XVIII в.

В 1778 г. вышел декрет Карла III (1759—1788) о свободной торговле — «Регламент и тарифы для свободной торговли», радикально реформировавший колониальную систему. Колонии становились рынком сбыта части испанских товаров, усиливался внутренний товарооборот²⁴. Помимо оживления торгового обмена объектом специального внимания со стороны законодателей стало регулирование эмиграции. В декрете подчеркивалась необходимость воспрепятствовать всем видам незаконной эмиграции, и выполнение этой задачи ложилось на капитана корабля. Однако в эпоху Бурбонов ограничения были доведены до крайности: стали выдаваться лицензии под конкретные категории лиц — чиновников, священнослужителей, энкомендеро со своими слугами и родственниками испанцев, проживающих в Америке. Но возросшие ограничения не предотвращали нелегальную миграцию. Децентрализация торговых маршрутов способствовала размыванию миграционного контроля. Повышение требований контроля к капитанам и экипажам стимулировало дезертирство большей части членов экипажа судов, как только они достигали американских портов²⁵.

Во многих вице-королевствах численность населения европейского происхождения, достигнув определенного уровня, оставалась стабильной. Хотя в конце колониального периода европейцы по-прежнему являлись важным источником пополнения населения в Испанской Америке, говорить о масштабном использовании экономического потенциала миграционного ресурса не приходилось. Уменьшение испанской эмиграции в Новый Свет компенсировалось как эндогенным ростом креольского населения, так и увеличением ввоза африканских невольников.

ПОРТУГАЛЬСКИЙ ПОТОК

Португальская модель колонизации отличалась от испанской. Она основывалась на принципах, ранее уже опробованных в Африке: ключевым элементом было образование факторий — укрепленных торговых поселений. В начале XVI в. освоение новой территории португальской империи базировалось на частных экономических мотивах; степень вовлеченности государства в эти процессы росла по мере освоения прибрежной территории Бразилии. По мнению американского историка Гарольда Джонсона, можно выделить несколько стадий усиления роли государства: от сдачи земли в аренду (1502—1505) через образование королевских торговых факторий (1506—1534) и предоставление земли донатариям (1534—1549) к установлению полноценной королевской администрации (1549)²⁶. Переломным этапом стал переход к стратегии постоянной колонизации, начатый в 1534 г. португальским королем Жуаном III (1521—1557).

В период факторий (1506—1534) на стратегически важных участках побережья были основаны первые поселения. К концу 1540-х было заложено 15 городов, в которых насчитывалось 2 тыс. жителей²⁷. Непродолжительный период «частной колонизации» основывался на модели, ранее опробованной на Мадейре и Азорских островах, которая предполагала уменьшение государственных издержек при возложении ответственности за освое-

ние и заселение на частных лиц в обмен на даруемые им привилегии. Период «частной колонизации» завершился с прибытием в Бразилию в 1549 г. генерал-губернатора Томе ди Соузы. Переход к государственной колонизации отразился и на интенсивности миграций.

До середины XVI в. приток португальцев в Бразилию был незначительным. Если в 1549 г. в колонии насчитывалось не более 3–4 тыс. европейских переселенцев, то к 1580 г. их число достигло 30 тыс., из них более 80% обосновались в Пернамбуку и Баие²⁸. В силу климатических условий и размещения производства сахара именно эти города стали политико-экономическими центрами колонии. В 1587 г. население столичного города Сальвадор-де-Баия, включая окружающую территорию, составило 2 тыс. европейцев, наряду с 4 тыс. негров и 6 тыс. индейцев²⁹. К 1580 г. Бразилия превратилась в поселенческую колонию, основой экономики которой стало плантационное хозяйство, удовлетворявшее спрос европейцев на продукцию тропиков. «Природа и организация рабочей силы *энженьо** определяли базовую модель бразильского общества. Рабство, — отмечал американский историк Стюарт Шварц, — прочно утвердилось в качестве главной формы эксплуатации в колонии»³⁰.

Бразильские города, являясь результатом развития экспортного плантационного хозяйства, были небольшими. Население Сальвадора, самого крупного городского поселения, выросло с менее 14 тыс. человек в 1585 г. до 40 тыс. в 1750 г., при этом около половины его жителей были рабами. Города на севере Бразилии были еще менее населенными³¹.

Большинство европейских иммигрантов в Бразилии были выходцами из Португалии, но встречались и представители других стран, главным образом, итальянцы. В XVI в. большая часть португальских эмигрантов происходила из северной густонаселенной области Минью, а также из внутренних районов Лиссабона, который на тот момент потеснил Алгарве в качестве центра империи³². В первые два столетия, с 1500 по 1700 гг., в Бразилию прибыли около 100 тыс. человек с европейского континента (см. график 1). Подавляющее большинство составляли выходцы из португальской метрополии, также были «новые христиане» (евреи) различного территориального происхождения, бежавшие от преследований в Старом Свете. Третья группа состояла из французских, испанских, голландских, итальянских и английских захватчиков, предпринимавших многочисленные (иногда удачные, а иногда — нет) попытки завоевания и поселения в районах Гуанабары, Пернамбуку, а также в прибрежной зоне между Амазонкой и Баией³³.

В период Пиренейской унии (1580—1640) европейская эмиграция в Бразилию была свободной и открытой для католиков всех национальностей. Это обстоятельство способствовало приезду в колонию значительного числа испанцев, в том числе креолов. Они предпочитали селиться в южных периферийных областях, таких как Санта-Катарина, Парана и Сан-Паулу. Росло также число «новых христиан», в период 1635—1645 гг. только в одном г. Сальвадоре они составили от 10 до 20% белого населения. С восстановлением португальской независимости в 1640 г. европейская эмиграция в Бразилию была ограничена португальцами по рождению³⁴.

В иммиграции XVI—XVII вв. преобладали взрослые мужчины, что способствовало непрерывному процессу заключения смешанных браков. В от-

* Энженьо — комплекс, состоящий из плантаций тростника и сахарного завода.

личие от испанской короны, предпринимавшей усилия для уравнивания полового состава в колониях (в принципе, не очень успешно), португальские власти не вводили специальных регулирующих норм. Так, «первые белые женщины приехали вместе с семьями в 1537 г. с целью содействия колонизации Сан-Висенте, — отмечала бразильский историк Мария Луиза Марсилиу. Однако лишь незначительное число португальцев мигрировали в Бразилию в составе семейных групп»³⁵.

С начала XVII в. португальская корона поощряла заселение вдоль северной прибрежной полосы для защиты от вторжения других европейских стран. В 1617 г. на побережье Мараньяна были переселены двести семей с Азорских островов, суммарно около тысячи человек³⁶. Отличительной чертой миграции с Азорских островов и Мадейры был переезд целыми семьями. Островная миграция привнесла культуру семейного производства, основанного на личных подсобных хозяйствах, что кардинально отличалось от доминирующей модели рабского труда и экспортного плантационного сельского хозяйства³⁷. По прошествии двух веков колонизации, к концу XVII в., европейцы (100 тыс.) составляли треть трехсоттысячного ассимилированного оседлого населения Бразилии. Африканские рабы составляли около половины населения в северо-восточных капитаниях, а в сахаропроизводящих регионах их доля зачастую достигала 65—70% жителей³⁸.

Переломным моментом колониальной миграции в Бразилии стал рубеж XVII—XVIII вв. Последовавшие события можно отнести к первой в истории страны волне массовой европейской миграции. Бум был спровоцирован обнаружением месторождений золота на берегах р. Сан-Франсиску в Минас-Жерайсе. Ажиотаж, вызванный слухами о быстром обогащении, привел к тому, что в первой четверти XVIII в. в данную область, включая ранее практически необитаемые земли, переехало около половины всего колониального населения Бразилии. Несмотря на попытки королевского дома сдержать эмиграцию немногочисленного населения Португалии, которое в 1700 г. не превышало 2 млн человек³⁹, в течение XVIII в. за океан переселились, по различным оценкам, от 400 до 600 тыс. человек⁴⁰. В Бразилию, привлеченные новыми возможностями, ехали представители практически всех социальных слоев — от дворянства до крестьянства, в том числе ремесленники, торговцы, священники и многие люди без конкретной формы занятости.

Демографическая модель в золотодобывающих областях первой половины XVIII в. была сходна с моделью, характерной для прибрежных анклавов северо-востока: белое меньшинство, в котором преобладали мужчины, черное большинство, состоявшее преимущественно из рабов, где мужчин было также больше, чем женщин. Европейская миграция в золотодобывающие области состояла из холостяков или глав семей, оставивших жен и детей в безопасности в Португалии или в городах на бразильском побережье. Впоследствии некоторые семьи воссоединялись, но официальные отчеты изобиловали просьбами к властям со стороны жен и дочерей о помощи в розыске пропавших отцов и супругов. Результатом полового дисбаланса среди белого населения было низкое количество браков в пределах капитании Минас-Жерайс; активно практиковались внебрачные связи. Проведенные исследования показали, что официальных браков в добывающих областях заключалось мало; это было характерно не только для

белых партнеров, но и для черных, поскольку «брак у дверей церкви» был связан со значительными финансовыми расходами⁴¹.

В середине XVIII в. португальская корона вновь способствовала переселению в Бразилию жителей обедневших и перенаселенных островов Атлантического океана. Очередная волна островной миграции была направлена непосредственно в уязвимые прибрежные районы или спорные пограничные области. В 1748—1752 гг. на о. Санта-Катарина обосновались 1057 семей с Азорских островов, чья численность с детьми составила 5960 человек. По мнению испанского историка Эльды Гонсалес, азорские семьи, поселившиеся Риу-Гранди-ду-Сул и Санта-Катарине, сформировали основу населения крайнего юга⁴². С 1748 по 1756 г. в капитанию Санта-Катарина перебрались около 5 тыс. жителей азорского архипелага, 4 тыс. семей поселились в Риу-Гранди-ду-Сул. Характерно, что уровень рождаемости среди азорцев оставался одним из самых высоких во всем бразильском населении того периода.

В 1760—1770-е годы добыча золота пошла на убыль, и начался постепенный процесс переселения в другие экономически привлекательные области. Значительная европейская иммиграция, вкупе с естественным ростом среди жителей европейского происхождения, привели практически к десятикратному увеличению численности европейской части населения в XVIII в. Оценка, приведенная на 1798 г., определила число белого населения в 1,010 млн, что составило 31% общего населения Бразилии, в то же время черных насчитывалось 1,361 млн (42%) без учета неумиротворенных индейцев.

Привлекательность золотых приисков и реорганизация колониальной торговли, проводившаяся с 1750 г., способствовали становлению Бразилии в качестве доминирующего элемента в португальской колониальной системе. «Перенос политического центра из Лиссабона в Бразилию подтолкнул распад империи и привел к провозглашению политической независимости от метрополии», — отмечал бразильский историк Андре Мансьюи-Диниз Силва⁴³.

АФРИКАНСКИЕ НЕВОЛЬНИКИ

При анализе миграций колониального периода невозможно ограничиться только европейскими потоками. В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос об африканских невольниках. Это явление не вписывается в современные концепции миграции, в основе которых лежат принципы добровольности и свободы передвижения. Тем не менее базовая миграционная характеристика — изменение места постоянного проживания — по факту была реализована. В этом качестве трансатлантическая работорговля стала составной частью миграционного процесса колониального периода.

Использование рабского труда не было оригинальной находкой для американских плантаций, а являлось одним из атрибутов того времени, особенно в средиземноморском регионе. Еще в 1458—1460 гг. на территорию государств южной Европы — Сицилию, Португалию, Испанию и Италию — ежегодно ввозились 700-800 рабов из Африки⁴⁴. На сахарных плантациях Мадейры, ставших прообразом производства в Бразилии, в XV в. также использовался труд африканских невольников. В доамериканский период их численность в европейской части Старого Света оценивалась в 75 тыс. человек⁴⁵. К моменту открытия Америки модель рабского труда была уже

опробована в Старом Свете, и впоследствии была импортирована в американские колонии. Испанцы были первыми, кто начал практику работорговли и последними, кто ее завершил.

Несмотря на то, что во всех колониях европейских империй в Новом Свете использовался труд африканских невольников, режим работорговли имел существенные различия. Не имея возможности разрушить португальскую монополию на африканском континенте, Испания использовала систему *асиенто* (*asiento*) — лицензий, выдаваемых иностранным торговцам. *Асиенто* давало иностранному перевозчику право нарушать испанскую монополию на торговлю в американских вице-королевствах в обмен на обязательство привезти оговоренное число рабов в указанных направлениях в течение срока действия контракта. Эта система использовалась в период с 1595 по 1773 г. и стала одним из базовых документальных источников для оценки масштаба работорговли в Испанской Америке⁴⁶.

На начальном этапе работорговля осуществлялась преимущественно в районах, простирающихся на юг от реки Сенегал до окрестностей современного Сьерра-Леоне, а также хаотично распространялась на другие области Западной или Центральной Африки; позднее основным регионом стала Ангола. Большинство африканских рабов составляли военнопленные, захваченные в ходе межплеменных войн, а также люди, похищенные для дальнейшей продажи⁴⁷.

«Испанская» работорговля прошла периоды подъемов и спадов. В первой четверти XVII в. она находилась на высоком уровне вплоть до кризиса 1620-х годов, который привел к ее ослаблению, в 1641—1650 гг. работорговля даже была формально отменена⁴⁸. Однако спрос на рабочую силу в колониях возрастал, что повлекло за собой дальнейшее наращивание объемов торговли невольниками (см. таблицу). После 1650 г. трафик обеспечивали в основном португальцы и англичане, позднее подключились и другие морские империи, имевшие доступ на африканский континент.

Активное использование труда рабов в Испанской Америке связывается в первую очередь с развитием регионов плантационного хозяйства. Однако это архаичное явление распространилось намного шире. В середине XVI в. отмечалось наличие африканских рабов на тихоокеанском побережье в андских провинциях. Анализ нотариальных реестров Лимы и Арекипы (Перу) в период с 1548 по 1560 г. позволил американскому историку Джеймсу Локхарту найти упоминания о 256 афроперуанцах, из которых 207 (или 80%) были рождены в Африке⁴⁹. Более того, в Лиме вплоть до середины XVII в. африканцы составляли около половины населения, в Чили в 1590 г. их число (20 тыс.) практически в два с лишним раза превышало количество европейцев⁵⁰. На другой оконечности Испанской Америки — в Мексике — в описи имущества Эрнана Кортеса, оформленной в 1549 г., мексиканский антрополог Гонсало Агирре Бельтран обнаружил сведения о 123 рабах, родившихся в Африке⁵¹. Высокая смертность и запрет создавать семьи, резкая демографическая (половая) диспропорция радикально ограничивали естественный прирост этой этнической группы в колониальное время. Тем не менее, в некоторых районах, например, в Новой Испании, уже в 1590-х годах она стала второй по численности, опережая испанцев в два или более раза⁵².

**ОБЪЕМ ВВОЗА АФРИКАНСКИХ РАБОВ В ИСПАНСКУЮ АМЕРИКУ
В 1521—1807 гг. (в тыс.)**

Годы	Численность	Среднегодовой показатель
1521—1550	15000	500
1551—1595	36300	810
1595—1640	132600	2940
1641—1773	516100	3880
1774—1807	225100	6820
Всего	925100	

Составлено автором на основе: Philip D. Curtin. *Op. cit.*, p. 25, 35.

Расширение плантаций тропических культур диктовало спрос на все новую рабочую силу. При этом пример Испанской Америки показывает многоуровневость и адаптивную устойчивость этой системы. Отмена общей выдачи *асиенто* в 1773 г. привела к заметному усложнению процедуры работорговли. Американский историк Филип Кёртин отмечал значительно возросший в XVIII в. реэкспорт рабов из британских колониальных владений, когда закупленные на Ямайке рабы ввозились в испанские колонии⁵³. Наивысший спрос на рабочую силу невольников исходил от плантаторов Кубы и территорий современных Колумбии и Венесуэлы. В указанные регионы с 1773 по 1807 г. были ввезены 119, 30 и 30 тыс. человек соответственно⁵⁴.

Другим каналом ввоза рабов в Испанскую Америку стала торговля через бассейн Ла-Платы. Исследование движения невольников через порт Рио-де-ла-Платы, проведенное аргентинским историком Еленой де Студер, выявило его значение не только для территории современных Аргентины и Уругвая, но также и для более отдаленных рынков Боливии и даже Чили и Перу⁵⁵. Совокупные показатели этих каналов, с учетом объема торговли через французский, голландский, датский и североамериканский трафик, в период 1774—1807 гг. оценивался в 200 тыс. человек⁵⁶. Можно констатировать, что работорговля была основным трансатлантическим миграционным каналом в Испанской Америке. В XVIII в. количество ввозимых африканских невольников в разы превосходило испанский поток из метрополии (см. график 1).

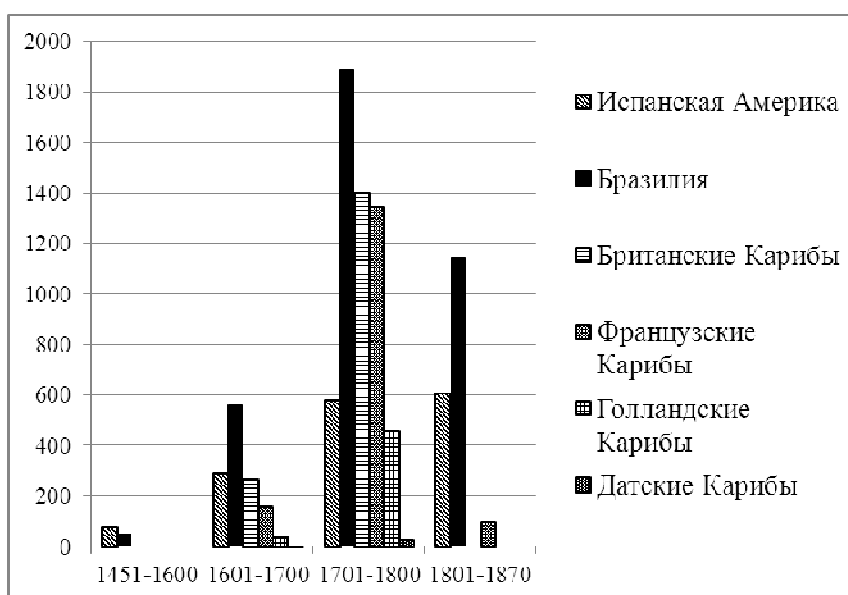
Другим крупным пользователем рабского труда были плантаторы Бразилии (см. график 2). В этом случае Португалия обеспечивала монопольную торговлю африканскими невольниками, будучи поставщиком, перевозчиком и его финальным потребителем.

Исследователи уделяли большое внимание изучению вопросу о работорговле Бразилии, но оценить ее реальные объемы по-прежнему проблематично. Португальская имперская бюрократия не была так четко организована, как испанская, поэтому работорговля контролировалась не столь тщательно. Бразильский историк М.Л.Марсилиу отмечала, что африканцы появились в Бразилии приблизительно в 1535 г., хотя ввоз рабов был официально разрешен в лишь 1549 г. Видный бразильский ученый Маурисиу Гуларт полагает, что число ввезенных в колонию в XVI в. невольников не превышало 30 тыс., когда на плантациях Пернамбуку и Баии работали пре-

имущественно индейцы. В XVII в. плантаторы приобрели у работорговцев 500-550 тыс. рабов. Производство, размещенное в прибрежных районах, требовало постоянного увеличения числа рабочих рук. В 1701—1801 гг. в Бразилию были ввезены около 2 млн человек, или 31,3% всех черных невольников, проданных работорговцами плантаторам Америки⁵⁷. «Золотой цикл» в Бразилии подхлестнул ниспадающую активность работорговли для плантационных хозяйств. Депрессия в сахарных регионах побережья была компенсирована спросом на рабочие руки в золотодобывающих областях.

Г р а ф и к 2

ОБЪЕМ ВВОЗА РАБОВ ПО РЕГИОНАМ 1451—1870 гг. (в тыс.)

Составлено по данным: Philip D. Curtin. Op. cit., p. 268.

По мнению автора, при оценке численности африканских рабов можно столкнуться с двумя группами фактов, отражающих миграционную динамику и ее воздействие на население принимавшей стороны. Первая — объем работорговли, представленный либо как среднегодовой показатель, либо как общее число ввезенных невольников за определенный период. Вторая — численность жителей данного происхождения, находящихся на территории колонии. Эти значения принципиально расходятся. Для иллюстрации воспользуемся данными, приводимыми американским историком Стюартом Шварцем. Так, в период с 1570 по 1630 г. с побережья Западной Африки в Бразилию ежегодно ввозились 4 тыс. рабов, при этом общая численность населения этой группы к 1600 г. составила 13-15 тыс. человек. Простой подсчет показывает, что к 1600 г., за 30 лет отмеченных выше темпов ввоза невольников, абсолютная численность африканского насе-

ния в этой стране могла составить 120 тыс. человек. Даже естественная убыль за данный период не привела бы к указанным значениям. Основными факторами, влиявшими на ситуацию, были, по мнению С.Шварца, высокий уровень смертности среди детей и стариков и половой дисбаланс, что вело к незначительному естественному приросту рассматриваемой группы населения⁵⁸. Однако более реалистичным представляется то, что основная часть рабов вообще не выживала при таком уровне эксплуатации. Продолжительность их жизни в тех условиях не превышала нескольких лет. Это влекло за собой постоянное наращивание темпов ввоза.

К 1680 г., когда численность этой части населения достигла приблизительно 150 тыс., количество ввозимых рабов составляло порядка 7-8 тыс. человек в год. Соотношение приведенных данных свидетельствует о некоторой стабилизации уровня смертности и изменении изначально тяжелейших условий труда, однако отмеченный разрыв оставался очень высоким. К концу XVIII в. показатели рождаемости и смертности в основных группах населения Бразилии стали выравниваться.

Обобщая данные о трансатлантической работорговле, можно еще раз подчеркнуть, что именно африканские невольники стали самой массовой миграционной группой в колониальный период. Африканцы оказали существенное влияние на развитие колониального производства, сыграли важную роль в формировании этнического облика современной Латинской Америки, стали неотъемлемой частью самобытной культуры подавляющего числа латиноамериканских стран.

Подводя итоги рассмотренной трансатлантической динамики, следует отметить, что освоение земель Западного полушария впервые наглядно высветило межконтинентальный характер миграционных процессов. Колониальные миграции стали ярким примером реализации, прежде всего, целенаправленной государственной политики, а не только и не столько действия экономических и демографических факторов. Метрополия контролировала доступ мигрантов на новые земли и выстраивала собственные системы административного управления. Для выполнения поставленных задач создавались специфические формы «государственно-частного партнерства», что отражало особый интерес власти к дальнейшей судьбе мигрантов. Яркими примерами стали: система организации экспедиций конкистадоров, отданная частной инициативе генерал-капитанов; дарование права использовать труд аборигенов на завоеванных Испанией территориях — образование энкомьенд, а в случае Португалии — основание факторий; установление структуры капитаний с донатариями, а также иные формы дарования наделов. Подавление структур власти автохтонного населения перенесло центр политического управления и регулирования мобильности на территорию метрополии — важного донора миграции. Именно отмеченные выше черты отличают колониальные миграции от современных процессов массового передвижения людей. Выделение автором этих характеристик позволяет проводить четкие границы в периодизации миграционных процессов и проясняет влияние политических факторов на анализ траекторий миграционных потоков.

Таким образом, к концу колониальной эпохи латиноамериканское население представляло собой сложную этническую мозаику: три столетия

трансатлантических миграционных процессов привели к расселению на американском континенте выходцев из Европы и Африки и образованию нового этнокультурного населения Латинской Америки.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- ¹ Н.Ю.Кудеярова. Проблема периодизации миграционных процессов в Латинской Америке. — Латинская Америка, 2016, № 7, с. 68-74. [N.Yu.Kudeyeva. Problema periodizacii migracionnyh processov v Latinskoj Amerike] [The Latin America migratory processes periodization]. Latinskaya Amerika, 2016, № 7, с. 68-74.
- ² J.P.érez. Isabel y Fernando. Los Reyes católicos. San-Sebastián, 1988, p. 16.
- ³ Р.Альтамира-и-Крвеа. История средневековой Испании. — СПб., Евразия, 2003, с. 512. [R.Altamira y Crvea. Istoriya srednevekovoy Ispanii] [The history of medieval Spain]. SPb., Evrasia, 2003, p. 512.
- ⁴ J.H.Elliott. The Spanish Conquest. — Colonial Spanish America. Cambridge etc., 1987. p. 1.
- ⁵ R.M.árcuez. La emigración española a América en la época del comercio libre (1765-1824): El caso andaluz. — Revista Complutense de Historia de América. Madrid, 1993, № 19, p. 236.
- ⁶ P.Boud-Bowman. Patterns of Spanish Emigration to the New World (1493-1580). — State University of New York, Special Studies Buffalo, 1973, № 34, p. 96.
- ⁷ M.Mörrer. Spanish historians on Spanish Migration to America during the Colonial Period. — Latin American Research Review, 1995, Vol. 30, № 2, pp. 251-285.
- ⁸ А.Ф.Кожман. Чудо конкисты. — Латинская Америка, 2004, № 2, с. 83. [A.F.Kozman. Chudo konkisty] [The miracle of the Conquest]. Latinskaya Amerika, 2004, № 2, с. 83.
- ⁹ А.Ф.Кожман. Рыцари Нового Света. — М., 2007, с. 37. [A.F.Kozman. Rytsari Novogo Sveta] [Knights Of The New World]. Moscow, 2007, p. 37.
- ¹⁰ Г.Кеймэн. Испания: дорога к империи. М., АСТ, 2008, с. 201. [H.Caymen. Ispaniya: doroga k imperii] [Spain's road to empire]. Moscow, AST, 2008, p. 78.
- ¹¹ P.Boud-Bowman. Op. cit., p. 96.
- ¹² Ibid., p. 18-19.
- ¹³ А.Ф.Кожман. Рыцари..., с. 77; P.Boud-Bowman. Op. cit., p. 67.
- ¹⁴ А.Ф.Кожман. Чудо конкисты..., с. 81.
- ¹⁵ A.P.Jacobs. Los movimientos migratorios entre Castilla e Hispanoamérica durante el reinado de Felipe III; 1598-1621. Amsterdam, Atlanta, 1995. p. 91.
- ¹⁶ Ibid., p. 96.
- ¹⁷ Ibid., p. 97.
- ¹⁸ P.Boud-Bowman. Op. cit., p. 80.
- ¹⁹ Ibid., p. 79-80.
- ²⁰ A.Lavrin. Women in Spanish American colonial society. — The Cambridge History of Latin America. Vol. 2. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, pp. 322-323.
- ²¹ A.P.Jacobs. Op. cit., p. 169.
- ²² A.Lavrin. Op. cit., pp. 323-324.
- ²³ J.M.DelgadoRibas. La emigración española a América Latina durante la época del Comercio Libre (1765-1820). El ejemplo catalán. — Boletín americanista. Barcelona, 1982, № 32, p. 119.
- ²⁴ И.В.Селиванова. Реформы испанских Бурбонов и торговая система Новой Испании. — Латиноамериканский исторический альманах, 2003, № 4, с. 32. [I.V.Selivanova. Reformy ispanskih Burbonov i trgovaya sistema Novoy Ispanii] [The Reforms of Spanish Bourbons and trade system of New Spain]. Latinoamerikanskiy istoricheskiy al'manah. 2003, № 2, с. 32.
- ²⁵ J.M.DelgadoRibas. Op. cit., p. 118.
- ²⁶ H.B.Johnson. Portuguese settlement, 1500-1580. — Colonial Brazil. Cambridge, 1987, p. 38.
- ²⁷ L.N.McAlister. Spain and Portugal in the New World, 1492-1700. Minneapolis, 1984, p. 264.
- ²⁸ H.B.Johnson. Portuguese settlement, 1500-1580. — The Cambridge History of Latin America. Vol. 1. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, p. 279; M.L.Marcílio. The population of colonial Brazil. — The Cambridge History of Latin America. Vol. 2. Cambridge, 1985, p. 45-46.
- ²⁹ M.L.Marcílio. Op. cit., p. 46.
- ³⁰ S.B.Schwartz. Colonial Brazil, c. 1580 — c. 1750: plantations and peripheries. — The Cambridge History of Latin America. Vol. 2. Cambridge, 1985, p. 436.
- ³¹ S.B.Schwartz. Plantations and peripheries, c. 1580-1750. — Colonial Brazil. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, p. 128.
- ³² H.B.Johnson. Portuguese settlement, 1500-1580. — Colonial Brazil. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, p. 35.
- ³³ M.L.Marcílio. Op. cit., p. 45.

- ³⁴ Ibid., p. 46.
³⁵ Ibid., p. 47.
³⁶ Ibid., p. 46.
³⁷ Ibid., p. 47.
³⁸ M.L.Marcílio. Op. cit., p. 47; S.B.Schwartz. Colonial Brazil... p. 437.
³⁹ M.L.Marcílio. Op. cit., p. 47.
⁴⁰ Brasil 500 anos. Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística. — Available at: <http://brasil500anos.ibge.gov.br/pt/territorio-brasileiro-e-povoamento/portugueses> (accessed 30.06.2015).
⁴¹ A.J.R.Russell-Wood. The gold cycle, c. 1690—1750. — Colonial Brazil. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, p. 218-219.
⁴² E.GonzálezMartínez. La inmigración esperada: la política migratoria brasileña desde Joao VI hasta Getúlio Vargas. Madrid, 2003, p. 23.
⁴³ A.MansuetoDinizSilva. Imperial re-organization, 1750-1808. — Colonial Brazil. Cambridge, 1987, p. 283.
⁴⁴ Ph.D.Curtin. The Atlantic Slave Trade. A Census. — Madison, Milwaukee, London. The University of Wisconsin Press, 1969, p. 17.
⁴⁵ Ibid., p. 20.
⁴⁶ Ibid., p. 21.
⁴⁷ С.Ю.Абрамова. Африка: четыре столетия работорговли. М., 1992, с. 83. [S.Ju.Abramova. Afrika: chetyre stoletiya rabotorgovli] [Africa: four centuries of the slave trade]. Moscow, 1992, p. 83.
⁴⁸ N.Sánchez-Albornóz. The population of colonial Spanish America. — The Cambridge History of Latin America. Vol. 2. Cambridge, 1985, p. 20.
⁴⁹ Ph.D.Curtin. Op. cit., p. 96.
⁵⁰ R.Mellafe. La introducción de la esclavitud negra en Chile. Santiago de Chile, 1959, p. 219.
⁵¹ Ph.D.Curtin. Op. cit., p. 96.
⁵² Г.Кеймен. Op. cit., p. 201.
⁵³ Ph.D.Curtin. Op. cit., p. 25-26.
⁵⁴ Ibid., p. 35.
⁵⁵ E.deStuder. La trata de negros en el Rio de la Plata durante el siglo XVIII. Buenos-Aires, 1958, p. 325.
⁵⁶ Ph.D.Curtin. Op. cit., p. 27.
⁵⁷ Ibid., p. 119, 129.
⁵⁸ S.B.Schwartz. Colonial Brazil..., p. 437.

Nadezhda Kudayarova (n.kudayarova@yandex.ru).

Ph.D. (History), Lead Researcher, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILA RAS)

Intercontinental migration in the colonial period. The Ibero-American context

Abstract. The paper treats the features of intercontinental migrations during the colonial period. The input of purposely tailored resettlement policy of the parent country is pinpointed. The influence of the socio-economic and demographic factors on the migration flows intensity is demonstrated. The flows were estimated in terms of numbers and nationalities. Three centuries of colonial migration have formed the new Latin America population ethno-cultural structure. The particularity of the Western hemisphere territories settlement during the colonial period clearly shows the trans-border properties of migratory processes, their transformative power and intercontinental character.

Key word: Spain, Portugal, Latin America, migration, colonization, slave trade